

УДК 1(091)(47)

Корнилов С.В.

Обоснование патриотизма в русской философии: уроки Первой мировой войны и эмиграции

Корнилов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3239-1002>

E-mail: sergey-v-kornilov@j-spacetime.com; korns2009@rambler.ru

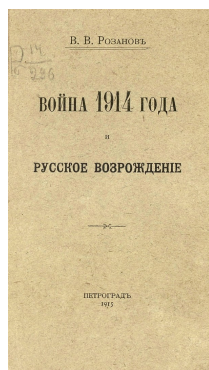
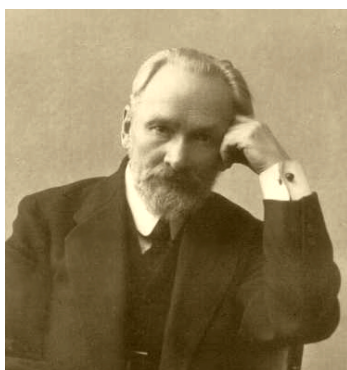
В статье представлен анализ темы патриотизма, выдвинувшейся на первый план в русской философской мысли в период I мировой войны и получившей свое дальнейшее развитие в эмиграции, и тесно связанных с данным вопросом проблем войны и мира, жизни и смерти, Родины и национального самосознания.

Ключевые слова: Первая мировая война; русская философия; русская мысль в эмиграции; патриотизм; Родина; война и мир; национальное самосознание, отечественная культура.

Крупнейшие события второго десятилетия XX века — Первая мировая война, две революции 1917 г. в России — сыграли огромную роль в становлении русского национального самосознания. Существенный вклад в осмысление уроков Великой войны и последовавших за ней социо-культурных и цивилизационных катаклизмов внесли такие выдающиеся отечественные мыслители, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн. Под влиянием военных и революционных событий качественно изменилась сама философская проблематика: на первый план выдвинулись тесно взаимосвязанные вопросы — войны и мира, жизни и смерти, Родины («Только там родина, где есть смерть. И потому последнее слово о родине — о смерти» [Булгаков 2003, с. 77]) — все эти проблемы оказались сфокусированными в концепции патриотизма.

Изменения философской проблематики отражали качественные сдвиги русского общественного сознания — и элитарного, и массового. Так, В.В. Розанов отмечал, что в 1914 г. Россия стала неузнаваема: все наносное, суетное, мелкое было смыто очистительной бурей войны. Вместо столь характерного для обывателей заискивания и преклонения перед чужим появилось осознание самодостаточности.

«Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна нераздельна, — потому что на границе встал враг, угрожающий нам всем "без разделений", угрожающий нам *всем*», — констатировал мыслитель [Розанов 1915, с. 33].

Слева — Василий Васильевич Розанов (1956—1919).

В центре — обложка работы В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» (Петроград, 1915).

Справа — Владимир Францевич Эрн (1882—1917).

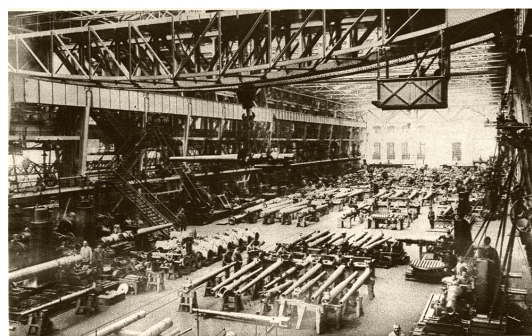
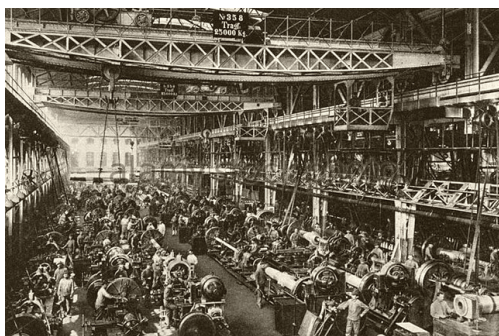
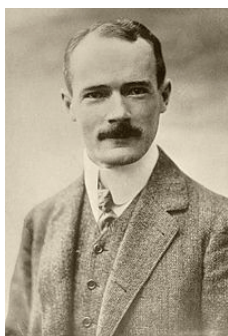
Немецкий милитаризм возник не на пустом месте, не внезапно, как «Deus ex machina» — но кто же возвращал его в Германии? Одним из значительных достижений русских мыслителей начала XX века стал анализ связи отвлеченных категорий западной философии с военно-политическими реалиями [Корнилов 2001, с. 433]. В своей речи «Кант и Крупп», произнесенной 6 октября 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, В.Ф. Эрн предельно

Корнилов С.В. **ОБОСНОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ**

точно сформулировал суть вопроса:

«Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружилось хищные, кровожадные когти. И лик "народа философов" исказился звериной жестокостью. Малин и Лувен, Калиш и Реймс вызвали бурю негодования, и все разом, дружно решили, что немецкая культура — одно, а зверства — другое, что Кант и Фихте столько же повинны в милитаристических затеях прусского юнкерства, сколько Шекспир и Толстой, и потому: да здравствуют Кант и Гегель, и да погибнут тевтонские звери!

Моя речь — самый страстный протест против этого упрощенного понимания всемирной истории. Я сразу скажу свои тезисы и затем перейду к доказательствам. Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же германского духа в орудиях Круппа» [Эрн 1991, с. 308—309].

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах (Gustav Krupp von Bohlen und Halbach, 1870—1950), немецкий промышленник и финансовый магнат, почетный доктор университетов Дармштадта (1912), Бонна (1914) и Киля (1916). Фото 1915. В центре и справа — завод Круппа в Эссене, Рурский бассейн. Фото 1914—1915

Сегодня связи подобного рода стремятся стыдливо замолчать. Раньше данной «транскрипции» не стеснялись: в 1914 г. философский факультет Боннского университета присудил и самому Круппу, и директору его заводов Аусенбергу звание почетного доктора.

Европейскому обществу начала XX в., возникшему в результате развития буржуазных общественных отношений, в целом была присуща глубокая духовная и нравственная разьединенность. Личное благосостояние рассматривалось как главная цель жизни; единственной реальной почвой всех оценок, единственным обоснованием нравственного выбора стал частный интерес. Удовлетворение его отдельными лицами и государствами предполагало понимание таких категорий, как «сочувствие» и «солидарность», лишь в качестве временных инструментов при реализации утилитарных индивидуалистических целей. Но все изменилось поразительным образом в 1914 г.

«...Война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя, — отмечал И.А. Ильин. — Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту. Война насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному "здесь" — некое великое "там" и потрясла нас этим «там» до корня» [Ильин 1915, с. 7—8].

Что же это был за «общий предмет»? Рано или поздно человек открывает для себя существование важнейшего экзистенциального вопроса — о Родине. В переломные моменты жизни ощущается вся значимость того места, где человек родился; лишь на первый взгляд могущее казаться случайным, именно это место делает нас сопричастным бытию.

Развивая свои идеи в последующих трудах, И.А. Ильин возражал тем, кто объявлял патриотическую идею несостоятельной в современных условиях. Ошибка оппонентов, отмечал философ, состоит в том, что в основе их представлений лежит подмена «родины» ее «суррогатом», который ошибочно принимают за родину, а именно: эмпирические условия жизни (природные или исторические) рассматриваются как нечто самостоятельное. Однако ни территория, ни климат, ни привычный быт и язык, ни хозяйственный уклад или гражданство не составляют родины, ибо «родина есть *нечто от духа и для духа*». Природные, исторические, кровные связи, только приобретая духовое значение, становятся предметом патриотической любви. При таком условии человек воспринимает их как материал для духа — не только своего собственного, но также духа предков и духа народа.

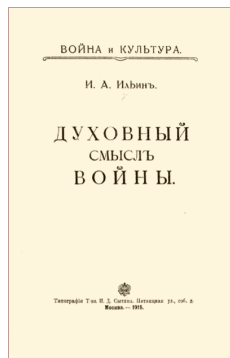
Анализируя природу патриотизма, И.А. Ильин характеризует его как определенную ступень духовного опыта и духовного развития.

«Тот, кто говорит о родине, — утверждал мыслитель, — разумеет (сознательно или бессознательно) *духовное единство своего народа*... Это единство вырабатывается исторически, в борьбе с *природой*, в создании единой *духовной культуры* и в *самообороне* от вторгающихся нарушителей. Это единство закрепляется *своеобразием национально-культурного акта* и системой навязывающихся исторически-культурных и государственно-хозяйственных задач. Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать ее, одолеть ее, *одухотворить ее по-своему, пребывая в своем, своеобразном национально-творческом акте*» [Ильин 1993, с. 232].

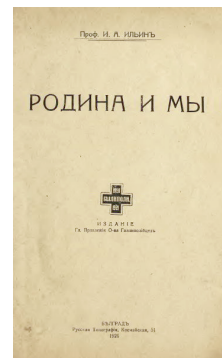
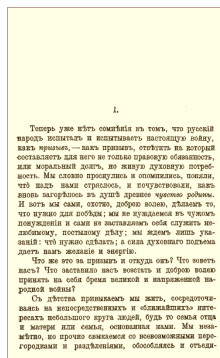
Корнилов С.В. **ОБОСНОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ**

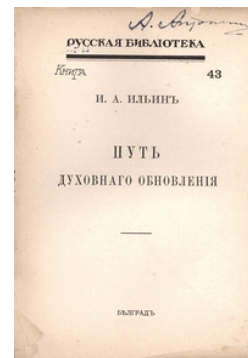
Иван Александрович Ильин
(1883—1954)

Титульный лист (слева) и первая страница (справа) работы И.А. Ильина «Духовный смысл войны» (Москва, типография товарищества И.Д. Сытина, 1915)

Титульные листы первых изданий (Белград) трудов И.А. Ильина «Родина и мы» (1926) и «Путь духовного обновления» (1935)

Вывод Ильина о том, что родина есть духовная реальность, позволяет ему сформулировать еще одно принципиальное положение: ее обретение связано с личной духовностью человека, следовательно, тот, кто лишен духовного опыта, не будет способен и к патриотизму. Вместе с тем, если любовь к родине, как и всякое настоящее чувство, коренится в глубинах человеческой души, то подлинное обретение родины каждым из людей переживается самостоятельно и самобытно. Это значит, что «казенный» патриотизм, т.е. навязываемый извне, принудительно, может на самом деле и не способствовать развитию чувства родины.

«Патриотизм есть чувство любви к родине, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходит корнями в глубины человеческого бессознательного. Обретение Родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и самобытно. Никто не может предписать другому человеку его родину — ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть, ибо любить, и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно» [Ильин 2011, с. 178].

Задача воспитания здесь заключается в том, чтобы пробудить у ребенка настоящий патриотизм, то есть способность и потребность исповедовать его и доказывать реальными делами.

Акт духовного самоопределения личности состоит в приобщении ее к нации и родине. А внутренняя и внешняя эмпирическая данность, проработанная духом, подчеркивает мыслитель, представляет собой национально-духовный уклад, связующий людей. У каждого народа он своеобразен и проявляется специфически в различных областях человеческой жизни — в искусстве, верованиях, нравственности, познании, хозяйственной деятельности.

Последовавшие за Первой мировой две революции и крушение Российской империи знаменовали принципиально новое социально-философское и всемирно-историческое звучание темы патриотизма для русского человека и русского общества:

«...русский народ должен сделать сейчас величайшее напряжение духа, чтобы доказать миру, что в России есть патриотизм, есть национальное сознание, есть гражданское достоинство... Зрелость России для мировой жизни и мировой роли будет прямо пропорциональна проявленному ей сознательному гражданскому патриотизму» [Бердяев 1918, с. 93, 95].

Историческим парадоксом стало то, что русские мыслители, с именами которых связано обоснование патриотизма в русской философии, были высланы из России или вынуждены были уехать за границу в послереволюционный период. Там, в изгнании, даже для тех, кому удалось обустроить свою жизнь и занять достойное место в обществе, оказалось, что «...дом на чужбине случайной, / где мирен изгнанника сон, / как ветром, как морем, как тайной, / Россией всегда окружен» [Набоков 1991, с. 133]. Сам факт эмиграции делал вопрос о родине и патриотизме особенно драматичным.

«Родина! — размышлял кн. С.М. Волконский. — Какое сложное понятие и, несмотря на сложность свою, какое сейчас неуловимое. Мы любим родину, — кто же не любит родины своей? Но что мы любим? Что? То, что было? То, что есть? Нет. То, что будет? Мы не знаем. Страну нашу? Где она? Ключки одни. Народ наш? Где его лицо? За темнотой лица не видать. Думы нашей земли? В чем они выражаются? Голос нашей земли? Где он звучит?» [Волконский 1992, с. 5].

Для заброшенного на чужбину русского человека начала XX века, чьи с детства сформированные представления о родине и все то, что было связано с ней в его сознании, оказалось разрушено, осквернено и попорно, с особой остротой встали эти вопросы. Можно ли, утратив Отечество, оказавшись в эмиграции, действительно признать ложным служение родине, отречься от нее, навсегда изгнать ее образ из мыслей и сердца?

Князь С.М. Волконский выбирает иной путь: физическая утрата родины — путь к ее обретению метафизически:

«Она будет не реальна, но она будет сильна в своей метафизичности; она не будет вне нас. Но тем сильнее будет в нас; она лишится узости земных границ и получит беспредельность личного сознания.

И если, отрешаясь от земных условий, от привязанности к месту, мы в творческой памяти воссоздадим то, чего нет; если в тех горних высях, куда укрылся наш дух, сознание наше подернется влагой бесполезных сожалений, мы скажем вместе с поэтом:

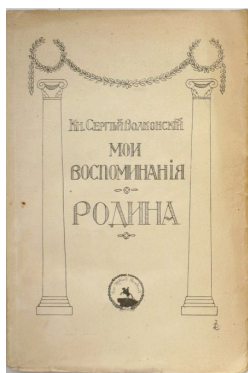
“Нет у нас родины, нет нам изгнания”, —

и на ровной поверхности когда-то возмущенно клокочущей души ощутим великое равновесие опрокинутого отражения» [Волконский 1992, с. 5].

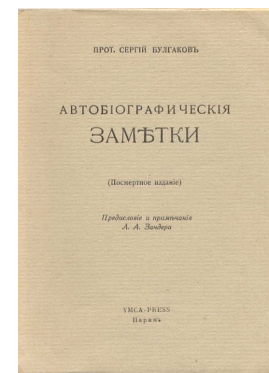
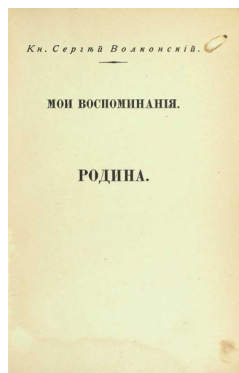
Корнилов С.В. **ОБОСНОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ**

князь Сергей Михайлович Волконский (1860—1937), театральная деятельность, режиссер, критик, литератор

Две издательские обложки второй книги мемуаров С.М. Волконского «Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Родина» (Берлин, «Медный всадник», 1923)

Титульный лист первого издания «Автобиографических заметок» С.Н. Булгакова (Париж, YMCA-Press, 1946)

Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944)

Его размышления созвучны идеям, развиваемым другим выдающимся представителем русского зарубежья.

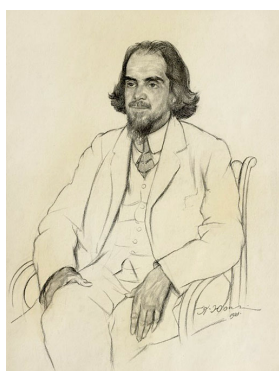
«То, что я любил и читал больше всего в жизни своей, — будет вспоминать в изгнании С.Н. Булгаков, — некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, все это мне было дано в восприятии родины, и ей свойственна также такая *тихость и ласковость*, как матери. Она задушевна, как русская песня, и, как она, исполнена поэзии музыки. Только ее надо слышать самому, внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не кричит, но тихим шепотом нашептывает свои небесные сны. Она *робко напоминает* лишь о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда. И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине родину можно — и должно — любить *вечною* любовью. Это не только страна, где мы «впервые вкусили сладость бытия», это — гораздо большее и высшее: это страна, где нам открылось небо, где нам виделось видение лестницы Иаковлей, соединяющей небо и землю. Но для этого надо изжить свою родину, воспринять и услышать ее. Не всем это дано, иные, гонимые ветром жизни, оставляют или меняют родину, прежде чем она войдет в их душу» [Булгаков 2003, с. 64].

Путь обретения метафизической родины, таким образом, становится и способом самопознания, формой обретения метафизического «Я», а с ним — и того живительного начала духовности, с которым — как это отмечал ранее И.А. Ильин, — сопряжена самая идея родины.

Не менее важен патриотизм и для общества в целом — как высший социально-философский смысл национального самосознания, как инстинкт национального самосохранения:

«Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя ничем. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души — свое единство, свою неразрывную связь и принадлежность, свою самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия перед лицом Божиим; он должен чужь свое «мы» и его величие; он должен верить в свои силы, в свою правду и в свою богоблагодословенность» [Ильин 1999, с. 320].

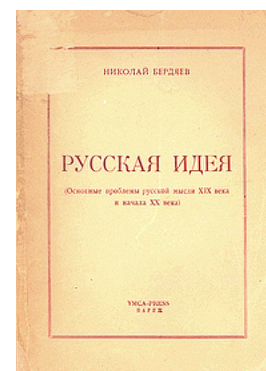
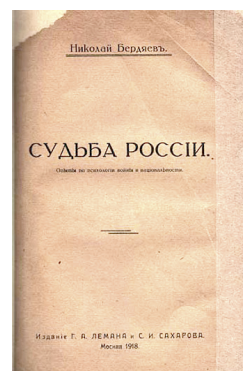
Содержательное раскрытие особенностей русского патриотизма мы находим у Н.А. Бердяева. Отечественная мысль, русские искания, отмечал мыслитель, со всей очевидностью свидетельствуют о существовании русской идеи, наиболее полно выражающей характер и призвание русского народа. Национальный тип, народная индивидуальность с трудом поддаются строгим научным определениям. Можно согласиться с Бердяевым в том, что тайна всякой индивидуальности постигается лишь любовью, и в ней остается нечто непостижимое до конца, невыразимое в системе рассудочных дефиниций.

Николай Александрович Бердяев (1874—1948). Портрет работы К.Ф. Юона. 1921 г.

Обложки первых изданий работ Н.А. Бердяева «Душа России» (Москва, товарищество И.Д. Сытина, 1915) (слева), «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» (Москва, издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918) (в центре), «Русская идея» (Париж, YMCA-Press, 1946) (справа)

Корнилов С.В. **ОБОСНОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ**

При этом патриотизм вовсе не заключается в идеализации народной жизни. Природа русского человека, по мнению Бердяева, очень противоречива. Ему присущи и смирение, отречение, но также и протест против несправедливости жизни, бунт. Сострадательность, жалостливость соседствуют с возможной жестокостью, любовь к свободе — со склонностью к рабству. Отечественная история дает впечатляющие примеры как деспотизма и невиданной гипертрофии государства, так и анархии. Обостренное сознание личной индивидуальности сочетается с безличным коллективизмом, воинствующее безбожие — с исканиями Бога.

«Противоречивость и сложность русской души, — заключает мыслитель, — может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев 1990, с. 44].

История России проникнута глубоким драматизмом и даже трагизмом, когда цели и средства исторического процесса не совпадали, а добро не всегда побеждало зло [Корнилов 1998]. Анализируя развитие отечественной культуры, Е.В. Спекторский выделял три основных ее фазы: святая Русь, великая Россия и свободная Россия. Христианство с конца X в. вошло в существо русской жизни.

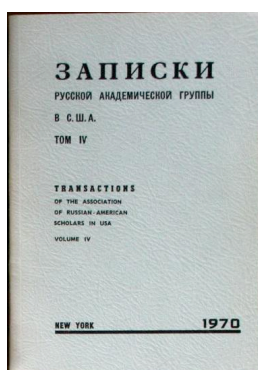
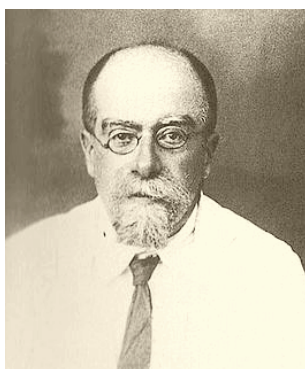
«В русском сознании, — отмечал мыслитель, — очень глубоко укоренился первохристианский идеал святости, который на Западе был заменен сначала этикой рыцарской чести, а потом буржуазной честностью, изрядно расшатанную принципиальным аморализмом Нового времени» [Спекторский 1970, с. 169—170].

Государственность, оттеснившая церковность на втором из выделяемых Спекторским этапов, введенная и последовательно реализуемая Петром I формула «великая России» — формула великодержавности — была воспринята Западом как призыв к экспансии против него, Европа усматривала в ней «русскую опасность». Между тем сам Е.В. Спекторский справедливо напоминал, что истинный смысл «обеспокоенности» западных держав и выдвигаемых ими обвинений был вскрыт еще И.С. Аксаковым, писавшим:

«Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западноевропейская держава готовит бессовестный захват чьей-либо чужой земли» [Аксаков 1886].

Процитированная выше работа Спекторского «Эпохи русской культуры» содержит завет умудренного жизнью человека, который при всех невзгодах жизненного пути всегда оставался русским патриотом:

«На нас устремлены внимательные, редко дружелюбные, по большей части недоверчивые, а то и совсем враждебные взоры иноплеменников. И это обяывает. Мы никому не можем помешать ненавидеть нас. Но от нас зависит, чтобы нас не презирали. А для этого мы должны с полным сознанием и достоинством помнить золотые слова Суворова: "Помилуй Бог, мы русские". Смысл этих слов — не космополитизм, не чужебесие, и не бахвальство, а как выразился Толстой в "Севастопольских рассказах": "чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого", а именно, любовь к родине. Это чувство подсказывает нам, что прав был Пушкин, когда отождествлял Россию с непоколебимостью. В надежде славы и добра вперед глядел он без боязни» [Спекторский 1970, с. 182].

Евгений Васильевич Спекторский (1875—1951), русский правед и социальный философ.

Справа — обложка тома IV журнала «Записки русской академической группы в США» за 1970 г., в котором была опубликована работа Е.В. Спекторского «Эпохи русской культуры».

Сегодня сформулированные русскими мыслителями идеи актуализируются в условиях, когда в адрес возрождающейся России раздается все тот же, отмеченный еще Аксаковым, «свист и гам», когда необходимость заново «отождествлять Россию с непоколебимостью» вновь обращена к гражданскому патриотическому чувству, «лежащему в глубине души каждого». Осмысление русской философией опыта Первой мировой войны и эмиграции — ценнейший вклад в философское обоснование патриотизма, и значимость этого обоснования — как и самого патриотизма — особенно велика на очередном переломе российской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Политическое обозрение (статья из газеты «Русь № 3, октябрь 1880 г.) [Электронный ресурс] // Сочинения И.С. Аксакова. Славянский вопрос 1860—1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1880_polit_obozr_oldorfo.shtml.

Корнилов С.В. **ОБОСНОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ**

2. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
3. Булгаков С.Н. Моя Родина // Булгаков С.Н.: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2003. С. 63–77.
4. Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1992.
5. Ильин И.А. Духовный смысл войны. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.
6. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999. С. 317–396.
7. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
9. Корнилов С.В. Русские философы. СПб.: Лань, 2001.
10. Корнилов С.В. Первая мировая война и обоснование патриотизма в русской философии [Электронный ресурс] // Первая мировая война и проблемы российского общества: Материалы международной научной конференции, 20–21 ноября 2014 г. / Государственная полярная академия; Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-западного региона РФ) НИИ (ВИ) Военной академии Генерального штаба ВС РФ; Академия геополитических проблем. СПб., 2014. Режим доступа: <http://xn---ftbdbb7agkaebfdpqbq1irc3a7e.xn--p1ai/library/sborniki-statej/pervaya-mirovaya-vojna-i-problemy-rossijskogo-obshchestva?start=13>.
11. Корнилов С.В. Философия самосознания и творчества: Портреты русских мыслителей. СПб.: СПбГУ, 1998.
12. Набоков В.В. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1991.
13. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915.
14. Спекторский Е.В. Эпохи русской культуры // Записки русской академической группы в США. 1970. Т. 4. С. 163–182.
15. Эрн В.Ф. От Канта к Крещу // Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 308–319.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Корнилов, С. В. Обоснование патриотизма в русской философии: уроки Первой мировой войны и эмиграции [Электронный ресурс] / С.В. Корнилов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2016. — Т. 12. — Вып. 2. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast12-2.2016.61.

SUBSTANTIATION OF PATRIOTISM IN RUSSIAN PHILOSOPHY: LESSONS OF THE WORLD WAR I AND EXPATRIATION

Sergey V. Kornilov, D.Phil., Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3239-1002>

E-mail: sergey-v-kornilov@j-spacetime.com; korns2009@rambler.ru

The major events of the second decade of the 20th century (WWI, two the revolutions of 1917 and Russian Civil War) played a huge role in the development of Russian national identity. Such greatest Russian thinkers, as Nikolay Berdyaev, Sergey Bulgakov, Ivan Ilyin, Vladimir Rozanov, and Vladimir Ern contributed to the understanding of the lessons of the Great War and the ensuing social and civilizational cataclysms. Under the influence of the military and revolutionary events philosophical problem qualitatively changed: closely interrelated issues of war and peace, life and death, and Motherland came to the fore, and all of these problems were focused in the concept of patriotism. At the present stage of Russian history, when rethinking of traditional values of Russian culture and return to them occur, the experience of the philosophical understanding of patriotism, which is a heritage of Russian thinkers in exile, who have lost their motherland physically, but have not lost their spiritual connection with it, is extremely important matter.

My article is a brief overview of the basic concepts of patriotism, established in Russian philosophy in the process of its thorough understanding of the tragedy of the WWI and emigration. For this purpose I used analytical and metaphysical approaches and methods of textual and discourse analysis.

I have shown that Russian philosophers who survived the First World War and came to be in exile, considered patriotism as the highest stage of spiritual experience and spiritual development, as a deep moral and religious feeling that is based on the early Christian understanding of holiness. The most comprehensive disclosure of meaningful features of Russian patriotism we find in the works of Nikolay Berdyaev. The quests of Russian thought, he wrote, clearly show the existence of the Russian idea, which most completely expresses the character and mission of the Russian people. National type, popular personality does not readily lend to rational analysis and rigorous scientific definitions. One can agree with Berdyaev that the secret of all individuality is comprehended only by love, and it is something that is not understandable till the end, inexpressible in the system of the understand-

ing of definitions. At the same time for the Russian philosophers of the early 20th century, patriotism was not supposed idealization of national life. On the contrary, in the Russian philosophy of that time familiarizing with Christian values was seen as the only way to overcome the negative aspects of the Russian national character.

My conclusion is in agreement with the main conclusions of the authors of philosophical concepts of patriotism, examined by me: defeat in the Great War and the subsequent civilization disasters were caused by the loss of spirituality both by individual people and nation as a whole. In turn, the feeling of patriotism is not merely a spiritual sense; true patriotism should include an essential element of religious faith as the most important component of the national culture.

Keywords: World War I; Russian philosophy; Russian thought in exile; patriotism; Motherland; war and peace; national self-consciousness.

References:

1. Aksakov I.S. "Political Review (Article from the Newspaper "Rus" no. 3, Oct. 1880)." *Writings. Slavic Question 1860–1886*. Moscow: M.G. Volchaninov's Typography Publisher, 1886. Web. < http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1880_polit_oboizr_olderfo.shtml >. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. "Russian Idea." *About Russia and Russian Philosophical Culture: The Post-October Russian Philosophers Abroad*. Moscow: Nauka Publisher, 1990, pp. 43–271. (In Russian).
3. Bulgakov S.N. "My Motherland." *Sergey Bulgakov: Pro et Contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publisher, 2003, volume 1, pp. 63–77. (In Russian).
4. Ern V.F. "From Kant to Krupp." *Writings*. Moscow: Pravda Publisher, 1991, pp. 308–319. (In Russian).
5. Ilyin I.A. "Fundamentals of the Struggle for National Russia." *Collected Works*. Moscow: Russkaya kniga Publisher, 1999, volume 9/10, pp. 317–396. (In Russian).
6. Ilyin I.A. *Path to the Evidence*. Moscow: Respublika Publisher, 1993. (In Russian).
7. Ilyin I.A. *The Path of Spiritual Renewal*. Ed. O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization Publisher, 2011. (In Russian).
8. Ilyin I.A. *Spiritual Meaning of War*. Moscow: Typography of I.D. Sytin's Partnership Publisher, 1915. (In Russian).
9. Kornilov S.V. "The First World War and Substantiation of Patriotism in Russian Philosophy." *The First World War and Problems of Russian Society: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 20–21 Nov. 2014*. St. Petersburg: State Polar Academy Publisher, 2014. *Industry-Today.RF*. N.p., n.d. Web. <<http://xn---ftbdbb7agkaebfdpqbq1irc3a7e.xn--p1ai/library/sborniki-statej/pervaya-mirovaya-vojna-i-problemy-rossijskogo-obshchestva?start=13>>. (In Russian).
10. Kornilov S.V. *Russian Philosophers*. St. Petersburg: Lan Publisher, 2001. (In Russian).
11. Kornilov S.V. *Philosophy of Self-Consciousness and Creativity: Portraits of Russian Thinkers*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publisher, 1998. (In Russian).
12. Nabokov V.V. *Verses*. Moscow: Molodaya gvardiya Publisher, 1991. (In Russian).
13. Rozanov V.V. *The War of 1914 and Russian Resurgence*. Petrograd, 1915. (In Russian).
14. Spektorsky E.V. "Epochs of Russian Culture." *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in USA* 4 (1970): 163–182. (In Russian).
15. Volkonsky S.M. *My Memories*. Moscow: Iskusstvo Publisher, 1992, volume 2. (In Russian).

Cite MLA 7:

Kornilov, S. V. "Substantiation of Patriotism in Russian Philosophy: Lessons of the World War I and Expatriation." *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 12.2 (2016). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast12-2.2016.61>. (In Russian).